Здравствуйте. Меня зовут Гертруда. Я младшая сестра Джузеппе Сан-Себастьяна.

Я в основном хорошо себя вела, просто, типа, справлялась. Сейчас я замужняя женщина, а еще я мать, так что, конечно, стресс все еще не закончился, как бы зашкаливающий стресс, клянусь! Но этот стресс материнства и весь этот багаж, который пришел с ним, не так велик, как когда мой брат стал этим очень, очень популярным парнем из-за дела золотых мужчин. Но с тобой я буду настоящим, я действительно ненавижу это слово. Я нахожу оскорбительным, что наследие моего старшего брата навсегда будет ассоциироваться с этим отвратительным унижительным термином, и как женщина и как самый близкий человек после моей мамы, я чувствую, что на мне лежит ответственность стереть этот термин из, например, средств массовой информации. Вот почему из оставшейся части этого интервью я откажусь называть это, как бы, делом "золотых мужчин". Я просто назову его как есть.

Убийство.

Мой брат и его друзья были убиты той женщиной, Робертой Кливленд, потому что она знала, что мой брат знает что-то о ее грязи, и она планирует стереть его так же, как он стер моего отца. Убийство этих людей просто увековечило это, знаете ли, в нашем обществе, где сильные остаются сильными, в то время как мы, слабые, продолжаем быть слабыми, потому что эти богатые люди сделают все, что в их силах, чтобы сохранить свои партии, и все это, как паутина отвратительных белых привилегированных людей, которые продолжают контролировать наше общество. Просто мой брат разрушает патриархат, а Ребекка Кливленд, которая, заметьте, женщина, продолжает быть частью патриархата, потому что она знает, что когда женщины кланяются мужчинам, мы получаем остатки того, что они кладут себе на уста, и называем это равными правами.

Мой брат - и всегда будет моим героем за то, что встал против Кливленда и ЭКСПРЕСИДЕНТА Райли, но, например, средствам массовой информации насрать на его инициативы. Им плевать на его философию и на то, что он хотел сделать для сохранения общества. Они просто хотят быть кучкой вредителей, и их волнуют только сочные черпаки и хорошие истории. Они все готовы уничтожить скорбящую семью только для того, чтобы намыть труп моего брата, как кучка грёбаных... грёбаных стервятников!

Простите, меня так разогревают, просто, по сравнению с тем, где я сейчас нахожусь, и по сравнению с тем, что я мать и жена, и стресс, который мы с матерью испытывали из-за постоянной атаки со стороны СМИ, просто... уничтожил нас. Правда, уничтожило. Каждый день мы слышали, как они кричали возле нашего дома, чтобы моя мать говорила им то же самое снова и снова с тех пор, как началось это дело.

Моя мать сначала развлекала их и говорила им правду. Моего брата использовали эти богатые привилегированные ублюдки в Белом доме. Она тоже права, заметьте.

Я не поверю их заявлениям, что у моего брата были только наркотики и прочее, и поэтому он

написал все эти истории. Это последние слова умирающего и отчаявшегося человека. Хорошо, я признаю, что мой брат не идеален, и он не должен им быть, но быть достаточно наглым, чтобы называть его наркоманом из-за шприца рядом с его письмом? Это нечестно, и это вывод, основанный на предположениях, а не на реальных доказательствах, которые указывают на то, что мой брат действительно, ну, знаешь, употреблял эти наркотики.

Ладно, давайте попробуем проанализировать их претензии к моему брату и почему я думаю, что они все просто поддельные, чтобы подорвать страдания, которые пришлось пережить моему брату.

Во-первых, давайте я просто уберу это с дороги, я верю в то, что мой брат написал в том письме. Я думаю, что они реально и на самом деле рассказывают о том, что он дал до того, как уступил силам дьявола, Иисуса, Марии и Иосифа, я просто надеюсь, что мой брат поднялся на лучшее место после того, через что ему пришлось пройти. Я прожил с ним 20 лет, и мы были очень, очень близки; он практически тот человек, который сделал меня таким, какой я есть сейчас. Потом случилось все исчезновение, и он оставил нам пять тетрадей, содержащих все его мысли и философии, и все они просто прекрасны и хорошо сделаны, но всем насрать на всех этих людей, потому что они хотят знать только то, что он не знает, не знает ли он.

Что!?

Мой брат честный, умный, добрый и чуткий; он много чего умеет, но он не чудотворец. В самую первую неделю, когда все дело просто абсолютно поразило каждый дом в Америке, единственное, что они продолжают спрашивать, кто мой брат, на кого он работает, с чем он связан, он террорист, он убил всех этих людей и запихнул их всех в прекрасно созданные золотые резьбы их тел. Я не знаю, какая наука стоит за этим, но то, как люди укажут вину моему брату, настолько контрпродуктивно, что я до сих пор виню его в том, почему дело до сих пор не раскрыто.

А потом, когда каждый эксперт и власти продолжали отрицать его причастность к убийствам, они дискредитировали его письмо, назвав его наркоманом, наркоманом, белым мусором и всем тем, что есть в их арсенале проклятия. Я так, так устал, так устал от всех этих обвинений, указывающих на моего брата.

Они действительно читали его письма? Они все хорошо написаны, хорошо документированы, и его почерк так же прекрасен, как я помню его в последний раз. Но их это не волнует, потому что дело не в этом. Смысл в том, что рядом с его письмом есть шприц, и что у других внутри их тел был морфин.

Например, я не идеальный человек, и я сделал кое-какие сомнительные вещи, когда был моложе, особенно в колледже, так что я много знаю о людях, страдающих наркотической зависимостью. Поверьте мне, когда я говорю это, они не могут и не смогут иметь менталитет, чтобы создать такую идеально составленную историю, если бы она действительно была одной из них; гораздо более невозможно даже написать все эти слова согласованно, даже если они стараются изо всех сил.

Кроме того, что касается друзей моего брата. Итак, они узнали, что в их телах есть наркотики, которые могли бы объяснить их поведение тем, что написал мой брат в своих письмах. Тогда позвольте мне спросить их об этом. Они действительно принимали какие-нибудь галлюциногены в своей жизни? Я думаю, что для них это такая натяжка, чтобы сделать вывод, что целая группа людей устала бы на контрабанду, наполненную водой для убийства, потому что они спотыкаются. Они сказали, что видели морфин в их телах, так? Я не эксперт или что-то в этом роде, но, основываясь на моих личных знаниях, люди, которые, вроде как, спотыкаются о морфин, обычно слишком пиздец, чтобы даже думать. Они будут чувствовать всевозможные вещи на своем теле, и последнее, что их волнует, это контрабанда, наполненная водой.

Знаешь, что еще более шокирует во всем этом рассказе о морфийных запретах, который они использовали против моего брата? Это началось только тогда, когда Экс-ПРЕЗИДЕНТ Райли внезапно объявил общенациональную кампанию по предотвращению употребления наркотиков; по сути, это была его полномасштабная война с наркотиками, потому что, видимо, мы никогда не учились у Никсона.

Что еще более шокирует во всей этой возмутительной войне с наркотиками, которая произошла в разгар скандала с Райли-Клевлендом, так это то, что они разрешили властям провести вскрытие тел моего брата и его друзей только через несколько недель после объявления войны с наркотиками. Типа, разве это не подозрительно? Конечно, Кливленд и Райли все равно пошли по нисходящей спирали, несмотря на их попытки очистить улики против них. Единственный эффект, который это произвело, это то, что люди начали думать, что мой брат - из ниоткуда, и внезапно написать несколько запутанных золотых историй.

Я искренне верю, что эти люди сделали что-то с телами моего брата и его друзей, как будто нет никаких конкретных доказательств, которые подтверждали бы это утверждение, но так как их претензии к моему брату все равно были основаны на предположениях, тогда я сделаю то же самое и предположу, что Кливленд сделал что-то в телах этих людей, чтобы создать впечатление, будто в их организме был морфий.

Никто не смог бы доказать мне обратное. Никто не мог изменить мое мнение, нет, не-а.

Они все втянуты в эту драму, которую они не дали ни шагу назад, чтобы подумать о том, что на самом деле происходило. Есть люди, которых превратили в золото, и первое, что они думали сделать, это преследовать мою мать, которая уже была в глубокой депрессии и тревоге.

Они стучались в наши стены, в дверь, в окна. Каждый день мы видели свои лица во всех новостных программах до такой степени, что мы просто откровенно отказывались открывать телевизор, телефон, мы перерезали телефонную линию, мы перестали выходить из дома, и мы практически закрыли все жалюзи.

Хуже всего было то, что кто-то кинул в наш дом кирпич, и они, как бы, воспользовались этой лестницей, чтобы подняться по нашему дому, просто чтобы сфотографировать, как плачет и скорбит моя мама. Какой в этом был смысл? Потребовался целый месяц, прежде чем их количество уменьшилось, но, типа, через год, мы все еще получаем случайные визиты от

прессы.

Единственное, что у меня было - это лучшая подруга моей мамы, которая всегда была с нами. Она говорила всем репортерам, чтобы они просто съебали с нашей территории, если она не вызовет полицию, и она делала все это, помогая моей маме справиться, помогая ей готовить нашу еду, и она даже была там, чтобы преподавать мне уроки, когда я не хочу ходить в школу и всякое такое дерьмо, потому что все издевались надо мной и называли меня сестрой золотой головы или что-то в этом роде, и это становилось старым очень, очень быстрым.

Хотя я упорно старался; мне приходилось стоять на двух ногах после долгого времени, но моя мама, она... Она не выжила. Она провела остаток жизни, читая и читая письма моего брата. Каждый день я слышал ее рыдания, я видел ее красные и мокрые глаза, я даже видел, как она убиралась в комнате моего брата и разговаривала с ее одеждой и ее фотографиями. Моя мама сходила с ума и впадала в депрессию, когда все вспыхивало, и у нее не было ни сил, ни времени заботиться о репортерах, но есть одна вещь, которую она продолжала рассказывать мне и своей лучшей подруге. Она говорила, что я верю ему, я верю ему, он мой сын, я верю ему. Она бы сказала нам, если бы даже не верила в своего сына, тогда какое у нее право называть себя его матерью.

Я вспомнил, когда она, знаете, моя мама, когда наконец-то вышла из дома в первый раз. Она держала письма моего брата, а любимую белую рубашку Минисо на одной из ее рук. Я так хорошо все запомнил, потому что мы так старались затащить ее обратно в дом, но она очень, очень непреклонна в том, чтобы сделать заявление.

Она кричала в верхней части легких. Она сказала, что я ему верю! Я верю ему! Я верю ему! Это было во всех новостях. Даже есть обложка журнала "Тайм", посвященная ей, и на ней есть большой шрифт, который говорит, знаешь, что я ему верю. И все репортеры в стране затопили нашу собственность еще больше, чтобы услышать, как она снова и снова говорит "Я верю ему".

Они стучали в нашу дверь еще сильнее и стучали по стенам, и каждую ночь мы не могли заснуть из-за всех этих звуков от щелчка их камер. Потом нам надоедало. Мы позвонили в полицию, после этого все успокоилось. Потом мы сбежали к моей бабушке. Мы никому об этом не говорили, даже лучшему другу моей мамы. Она милая женщина, такая же милая, как и моя мама. Я вспомнила, как моя мама выглядела старше бабушки, когда мы приехали туда.

Она была вся в костях, бледная; ее волосы стали белыми, глаза такими опухшими, и я вспомнил, как я мог обернуть руки вокруг ее рук. Это было темное время. Самое темное, что было в нашей семье, но она ни разу не обвинила моего брата. Она сказала, что он был пойман только на сумасшествие мира и на то, как мой брат делал то, что считал правильным. В то время я не понимала, почему он слишком высоко о нем думал. Я был зол на своего брата. Я ненавидел его. Если бы он не был таким глупым человеком, нам не пришлось бы страдать от всего этого.

Конечно, через несколько месяцев после того, как мы переехали к моей бабушке, моя мама умерла. Последние слова, которые она сказала, были "Я верю ему". Это было... хм... Я вспомнил, что бабушка сказала мне на своих похоронах.

"Так вот что она почувствовала, когда увидела, как ее ребенок умер перед ней."

...

После этого у меня было темное время. Я общалась с мужчинами и женщинами, с алкоголем и наркотиками, и... меня нигде не было. Никто не знал меня. Никто не видел меня. Никто не знал, кто я. Никто не мог меня найти. Я была повсюду после того, как сбежала из бабушкиного дома. Это была отвратительная и дегенеративная часть моей жизни, где я просто хотел, чтобы кто-нибудь дотронулся до меня или, по крайней мере, убил меня, чтобы я мог снова увидеть свою семью. Все они ушли, и я... В то время я думала, что у меня больше никого нет в жизни.

Тогда однажды, у меня не было достаточно денег, чтобы купить что-нибудь еще, и я ходила вокруг да около. Я был, блядь, в беспорядке. Потом, когда я гулял по городу, я увидел, что одну вещь я могу купить.

Это был таксофон. Не знаю почему, но я пошёл туда. Я не знаю, кому позвонить, но в голове есть номер, который я хочу набрать, так что я набрал его. Я не знаю, чей это был номер, но он не принял три звонка, прежде чем кто-то сказал: "Алло?"

Это был знакомый голос. Это был лучший друг моей матери. Бедная женщина, правда. Мы были так несправедливы к ней. Я рассказал ей все, что случилось, и где я был, и что со мной случилось, а она кричала на меня, плакала и рассказывала, почему мы оставили ее в темноте. Потом она рассказала мне о том, как ее жизнь тоже перевернулась с ног на голову. Она сказала мне, что это было очень запутанное время ее жизни, и что она даже развелась со своим мужем, и что ее бизнес обанкротился. Она сказала мне, что я был рядом с матерью и со мной, но мы ушли, когда она нуждалась в нас больше всего.

Я просто плакала. Я уронила телефон и заплакала. Я переоценила свою жизнь. Что я делал? У меня было много людей, которые любили меня, и людей, которые нуждались в моей любви. Я была слишком поглощена миром, который я не могу понять, и трагедией, которую никто из нас не понимал, и мне было всего 19 лет. Я ничего не знаю и, если честно, я не уверен, что могу сказать, что я, как бы, понимаю, что происходило до сих пор в моей жизни.

Я думаю, что это было на самом деле, когда я взял себя в руки. Я вернулся к бабушке, и она приветствовала меня с распростертыми объятиями, и я прошел реабилитацию, и все снова хорошо в моей жизни.

Потом я прочитала тетради, в которых брат покинул наш дом перед тем, как пропал. Я прочитала все. Я не совсем поняла большую часть из них, и, честно говоря, большая часть того, что он написал, слишком радикальна и слишком резка для меня в то время. Иногда, когда я читал его взгляды на таких философов, как Ницше и Бодрийяр, я все еще чешу голову, потому что не могу понять. Он говорил, что живет как копия чего-то, чего не существует, и как он будет размещать работы Сартра и Гегеля. Я не очень понимаю большую часть этого, особенно, когда он говорил о таких вещах, как деконструкционизм, и почему он должен быть прижат между двумя мирами, когда он может сбежать и сформировать лучший мир. Он также,

например, активно рассказывал почти на каждой странице, что исследования Фрейда фальшивые, и ни одна из них не была реальной, и что он восхваляет работы анти-эдиповых литературных критиков. Он даже открыто выступает против коммунизма и называет Маркса величайшим комедиантом своего времени.

Честно говоря, я прочитал все, что он написал, только для того, чтобы понять его, и единственное, что я понял, это то, что я никогда не пойму своего брата вообще. Я не пойму ни его философии, ни его жизни, ни причины его жизни, ни его смерти. Его жизнь полна тайн настолько, что даже если я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы узнать все это, я все равно не пойму огромной доли того, кто мой брат.

Затем, когда я повернулся к последней странице его записей. Там была кредитная карта. Потом к ней прикреплена записка.

"Для учебы Гертруды".

Тогда я действительно спросил себя, что я делаю.

Я просто, простите, я действительно не плачу, как будто прошло много времени с тех пор, как я в последний раз плакал вот так, но думая о том, как я так плохо думал о своём брате, когда был моложе, когда он много делал, чтобы поддержать меня и мою маму, пока его не было, я просто... я понял, как эгоистично и как неосознанно отношусь к тому, что происходит вокруг меня. Я хочу поговорить с мамой и спросить ее о многих вещах, чтобы я могла наконец-то успокоиться, но это просто невозможно, так невозможно сейчас, понимаешь? Все, что люди сделали со мной, это поддержали меня и улучшили мою жизнь. У меня было все, что происходило со мной, а потом одна трагедия поразила нас из-за сил, которые мы не можем объяснить... Тогда у меня хватило смелости плакать, как маленькая девочка.

Я заняла деньги у бабушки и посетила дом лучшей подруги матери. Там было пусто, когда я туда добралась. Я спрашивала вокруг, и слышала, что никто больше не знает, где она сейчас. У меня даже не было возможности искупить вину перед ней, перед матерью и перед братом. Поэтому я сказал себе, что сделаю все, что в моих силах, чтобы искупить себя, и когда я увижу их всех снова вскоре с Господом на небесах, я скажу им, что я не ушел без боя.

Сейчас я просто пытаюсь жить своей жизнью так мирно, как только могу. Иногда я даже набирала номер лучшей подруги матери, хотя знаю, что никто не ответит. Наверное, я не просто раз и навсегда очистила имя своей семьи, я согласилась на это собеседование, потому что хотела встретиться и помириться со старыми друзьями. Я хочу достучаться до них и помочь им так же, как они помогли мне. Я сделал это не только для того, чтобы очистить имя своего брата, но и для того, чтобы исправить трещину, которая осталась в нашей семье после того, как случилось всё это золото. Я просто хочу начать всё сначала, и я хочу сказать моим друзьям и семье, что я могу это сделать, даже если я не идеален. Возможно, у меня нет тех же устремлений и мечтаний, что и у моего брата, и у меня даже нет грандиозной мечты о реформировании общества, которая у него когда-то была, но... Я хочу жить нормальной и мирной жизнью, на которую они все надеялись. Жизнь, за которую они умрут.

Может, моей мамы сейчас и нет с нами, но вместо нее я скажу...

Я ему верю! Я верю своему брату! Он не наркоман, он не сумасшедший и не убийца. Он - яма невинного человека между миром, который он не понимает. Он жертва сил, которые мы не можем понять, и с которыми мы не можем бороться. Он был одержим дьяволом не одним, а несколькими способами. Сатана вошел через его тело, и зло, идущее среди нас, зажгло огонь, горящий в его сердце, пока, наконец, величайшее зло из всех, что проклятая вода, наконец, посетили его, чтобы заявить о своей душе, но он сильный человек, и я уверен, что ад не получится лучше его души, потому что человек с душой, как чистый, как он заслуживает, чтобы быть на небесах, где он принадлежит моей маме и моему отцу, поющих вместе в Царстве Господа.

Найти авторизованные романы в Webnovel, более быстрые обновления, лучший опыт, пожалуйста, нажмите на www.webnovel.com для посещения.

Я верю ему, черт возьми!

<http://tl.rulate.ru/book/35095/842424>